

О. Н. ТУРЫШЕВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-3014-6153

УДК 821.133.1-31(Бине Л.):821.161.1-31(Быков Д.)

DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_12

ББК ШЗЗ(4Фра)64-8,444+ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,444

СИСТЕМА «РЕАЛЬНОСТЬ, НАРРАТИВ, ЯЗЫК» В НОВЕЙШЕЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Л. БИНЕ «СЕДЬМАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА» И Д. БЫКОВА «ИЮНЬ»)

Аннотация. Основу статьи составляет сопоставление двух произведений новейшей литературы, разрабатывающих сходную металингвистическую и металитературную проблематику. Это третья часть романа Д. Быкова «Июнь» и роман Л. Бине «Седьмая функция языка». Выявляются сходства и различия в рефлексии двух романистов о магической функции языка, которая в обоих случаях понимается как его способность моделировать повороты истории: как национальной, так и индивидуальной. В обоих случаях сюжетогенным фактором становится теория Р. Якобсона, однако решение вопроса о её действительности у русского и французского романиста отличается. Также отличается вектор романной рефлексии о литературе. В романе Д. Быкова эта рефлексия носит методологический характер и касается вопросов продуктивности разных подходов к исследованию художественного материала; в романе Л. Бине металитературная проблематика находит своё воплощение в постановке философского вопроса о самостоянии человека перед лицом высших сил, символизированных фигурой Автора-Бога. Совпадение проблематики у двух писателей объясняется совокупностью внетекстовых факторов, среди которых в первую очередь отмечается сосредоточенность современной культуры на вопросах власти слова, текста, книги.

Ключевые слова: металингвистическая проблематика; металитературная проблематика; французская литература; французские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; романы; русская литература; русские писатели.

Идея М. Хайдеггера о том, что язык является сакральным фундаментом человеческой культуры, в конце второго десятилетия нового века нашла свою романную актуализацию. Тема языка как определяющего фактора исторического развития и определяющего фактора индивидуальной судьбы получила свою почти одновременную разработку в романе французского писателя Лорана Бине «Седьмая функция языка» (2015) и третьей части романа Дмитрия Быкова «Июнь» (2019). Оба романа

предлагают рефлексию о магической функции языка, которая в обоих случаях понимается как его способность моделировать повороты истории: как национальной, так и индивидуальной. И в обоих случаях сюжетогенным фактором становится теория Р. Якобсона, а именно неразвернутый фрагмент из его работы «Лингвистика и поэтика», в которой в качестве частного случая конативной функции Р. Якобсон называет магическую, заклинательную функцию. Её действие Р. Якобсон связывает с «превращением отсутствующего или неодушевленного третьего лица в адресата конативного сообщения». Примеры, которые приводит Р. Якобсон (литовское заклинание, северорусские заговоры, цитата из священного Писания), свидетельствуют о том, что под третьим лицом подразумевается высшая сила, с обращением к которой связывается достижение желаемого результата [Якобсон 1975: 200]. Факт такой тематической корреляции романов Л. Бине и Д. Быкова до сих пор не получил своего осмысления, при том, что оба романа вызвали широкий отклик в критике (см., например: [Бавильский 2019; Балла 2018; Бояркина 2018; Сиротин 2020; Сушек 2018]).

Д. Быков в третьей части «Июня»¹ устами своего героя Игнатия Крастышевского, «вольным» (по выражению А. Колобродова) прототипом которого является Сигизмунд Кржижановский², упрекает Р. Якобсона в том, что он «и не подошел» к главной тайне языка [Быков 2019: 460]. Её разоблачение Д. Быков и приписывает Крастышевскому. А Л. Бине все-таки присваивает Р. Якобсону краткую (на 2 страницы) разработку техники использования магической функции языка, которая в фантазийном мире романа стала причиной убийства Ролана Барта и целой серии кровавых событий. В обоих романах решается вопрос о том, можно ли переделать жизнь, изменив ход её событий, и какую роль в этом проекте играет язык. Однако результаты художественной рефлексии о языке у Д. Быкова и Л. Бине разнятся.

¹ Роман состоит из трех частей, сюжетно друг с другом не связанных.

² Д. Быков в одном из интервью о своём герое: «Он, как и Кржижановский, наделён фанатичной верой в силу литературы, в силу букв» [Быков 2015: электронный ресурс].

Герой Д. Быкова одержим идеей изобретения метода «сверхписательства», используя который можно было бы воздействовать на людей и внушать им нужные мысли. Д. Быков описывает этапы становления метода Крастышевского: изумление перед силой заговоров, знакомство с формальной школой в литературоведении (которая впервые задалась вопросом «как что устроено»), открытие того, что воздействует на сознание не содержание, а соразмерность конструкции (т.к. текст оказывает воздействие на физиологическом уровне), изобретение рецептуры наиболее действенного текста («проскользнуть в читательское сознание», по мысли Крастышевского, легче всего, соединив нарративную схему плутовского романа со схемой романа о сыне плута, или «Гамлета» с «Фаустом»).

Призрак Р. Якобсона присутствует в сознании изобретателя на протяжении всего периода подготовки эффективной методологии. Его след обнаруживается в образе лингвиста Стрельникова, «поборника статистических методов» – наряду со следом Б. Томашевского. Лингвист Стрельников фигурировал и в предыдущем романе Быкова – «Икс», посвящённом шолоховскому вопросу – предмету научного интереса Б. Томашевского. Поэтому расшифровка подразумеваемой под именем Стрельникова персоны в «Иксе» не вызывает сложностей. Но в «Июне» Стрельников, скорее, собирательный образ, объединяющий в себе две прототипические фигуры: Р. Якобсона и Б. Томашевского. Объединению в одном романном образе Р. Якобсона и Б. Томашевского, очевидно, способствовал и закон «Якобсона-Томашевского», выведенный ими в период работы Московского лингвистического кружка. О том, почему этой собирательной фигуре присвоено имя пастернаковского героя, можно только строить гипотезы, тем более что такой принцип конструирования фамилии героя открывает широкое поле для предположений.

Сам метод «Якобсона-Томашевского» в сознании Крастышевского подвергается иронии: «... наука в исполнении Стрельникова была чересчур строга и не позволяла объяснить, почему в иных местах “Войны и мира” у Крастышевского щипало в носу, а при чтении Верченых, ровно с тем же сочетанием гласных

и количеством согласных, нигде не щипало.<...> Стрельников свою теорию строил на ненадежном фундаменте: статистика гласных и согласных говорила о сути текста не больше, чем ветки о корнях. В основании филологии лежала физиология, тут консультироваться надо было не со Стрельниковым, а с Дехтеревым» [Быков 2019: 457].

Соединение статистики и физиологии составляет первоначальную суть метода создания УТ («управляющего текста», как его называет герой). УТ Крастышевского были предназначены одному адресату – тому, от которого зависела судьба мира. Первоначально герой Д. Быкова, используя возможности своей должности – редактора в Союзкино – пытается «заблокировать [у И. Сталина] мысль о войне». Но Великий террор, союз с Германией («единственной истинно, неприкрыто дьявольской силой») и раздел Польши заставили Крастышевского признать свою ошибку и начать «с ожесточением работать на войну»: «Ему предстояло развернуть весь ход истории».

Отчаяние вины меняет и метод Крастышевского: теперь за модель УТ он берёт музыку и делает расчёт на то воздействие, которое оказывают на сознание реципиента звуки. Изобретая звуковой антоним к слову «Ковентри», он надеется призвать своего адресата первым начать войну «против чумы». Но так как новый УТ доставить не удалось, Крастышевский обращается со звуками «самой черной решимости» к высшей силе. Д. Быков, таким образом, изображает, как призывно-побудительная функция в речевой деятельности Крастышевского заменяется магической: он отказывается от обращения к реальному адресату и обращается к отсутствующему и неведомому – Богу и его «Вестникам». Таким образом, в гротескно-ироническом ключе Д. Быков описывает не что иное, как поиск и применение магической функции языка, позволяющей внушить «непонятно чему» своё истовое желание.

Однако в применении Крастышевского магическая функция оказалась недействительна: через час после его обращения к «Вестникам» началось нашествие чумы. Переделать мир с помощью языка оказалось невозможно. И сама идея такой переделки характеризуется в романе как безумная.

Роман Л. Бине ставит тот же вопрос – «можно ли в реальности переделать мир» с помощью языка. Реальность здесь противопоставляется литературе: как и в романе Д. Быкова. Роман Л. Бине начинается фраза «Жизнь – не роман», а заканчивается его книга усилиями героя доказать свою принадлежность реальному, а не выдуманному миру. У Д. Быкова одна из глав третьей части начинается постановкой той же проблемы – чем отличается искусство от жизни. В жизни в причинно-следственные связи вовлечено любое событие, никакое из них не является случайным; а в книге бывают случайные персонажи и случайные события, не вписанные автором в общую картину, поэтому, завершает своё рассуждение автор, «Крастышевский занимался жизнью, а не книгами». У Л. Бине главный герой Симон Херцог – аспирант-филолог, занимавшийся именно книгами – до того момента, как был привлечён к расследованию смерти Ролана Барта, но и в рамках этого дела ощущающий себя литературным героем, героем нарратива, находящимся в зависимости от авторской воли. Т.е. у Л. Бине в центре герой, который отождествляет нарратив и жизнь (у Д. Быкова герой противопоставляет жизнь и искусство).

Ещё одно отличие: изготовление магического метода переделки жизни с помощью языка у Л. Бине остаётся за пределами нарративного пространства. Роман посвящён поискам документа, который представляет собой неизвестную рукопись Р. Якобсона о седьмой функции языка, расследованию преступлений, совершённых в погоне за ней, а также описаниям опытов её применения – как удачных, так и катастрофических. И сама магическая функция трактуется иначе: она состоит не в способности привлечь на свою сторону высшие силы, обращаясь к ним с призывно-побудительным высказыванием, а в способности внушить кому угодно, что угодно и в любой ситуации. Под адресатом в рамках такой трактовки понимается не неодушевлённое и неведомое 3-е лицо, а тот собеседник, который мыслится объектом воздействия. Т.е. понимание языковой магии у Л. Бине иное, нежели у Р. Якобсона, хотя он старательно устами своего героя Симона Херцога излагает учение русского лингвиста. Недаром Л. Бине потребовалось выдумать рукопись, в которой Р. Якобсон якобы изложил технику применения седьмой функции языка.

Первоначальным обладателем документа выведен поплатившийся за него жизнью Ролан Барт, его фальсифицированная Жаком Деррида подделка была выкрадена Юлией Кристевой и Филиппом Соллерсом, который, не зная о подлоге, применил её на риторическом состязании тайного сообщества «Клуб “Логос”» в надежде победить Умберто Эко и отнять у него титул Великого Протагора, и проиграв, жестоко поплатился за претензию. Оригинал же рукописи Р. Якобсона попадает в руки Франсуа Миттерану, и благодаря ей он выигрывает выборы у Жискара Д’Эстена. «Функция действует» – вот вывод, который делает герой в заключительной части романа. Но она становится государственной тайной, принадлежностью одного человека – Президента Франции. Симон Херцог воспринимает это открытие как поражение: вместе с детективом Жаком Байяром он шёл по ложному следу, преследуя по всей Европе Ю. Кристеву и Ф. Соллерса, обладателей фальшивки. Прозрением Симона детективная линия погони за макгаффином оказывается исчерпана, хотя в изображении Л. Бине она последовательно утверждает существование магической техники убеждения и надежду на преобразование мира.

Однако роман венчается эпилогом, в котором предметом нарратива становится философский вопрос о том, владеет ли собственной судьбой «голый» человек, не имеющий надежды рассчитывать на обладание магическим артефактом? Может ли человек, опираясь только на свои силы, бросить вызов неблагоприятным обстоятельствам и Богу – великому автору, которого Симон именуется романистом, сочинившим его самого? Л. Бине в финале своего романа даёт положительный ответ: его герой вступает в противоборство со своим автором и одерживает над ним победу.

В «Эпилоге» романа сообщается, что Симон сильно изменился, «довольно высоко поднялся в иерархии “Клуба Логос” и как минимум трижды избежал смерти» – причём опираясь исключительно на свои силы, не рассчитывая на магическую функцию языка. Но финал в лице «автора с садистскими причудами» [Бине 2019: 511] приготовил ему новое испытание: он оказывается под прицелом бандита каморры. «На последних се-

кундах Симон вновь вступает в диалог с трансцендентной сущностью, которую ему так нравится представлять: если он застрел в романе, что за принцип нарративной экономии требует в конце концов его убить? Он перебирает нарратологические доводы, но они все выглядят спорными» [Там же: 510]. В конце концов Симон приходит к решению: «С этим гипотетическим романистом надо как с Богом: поступать, будто его нет, ибо если он существует, это в лучшем случае скверный писака, не заслуживающий ни уважения, ни послушания. Изменить ход истории никогда не поздно. Вполне возможно, что воображаемый романист еще ничего не решил. Возможно, финал в руках его персонажа, а персонаж – это я. Я Симон Херцог. Персонаж собственного рассказа» [Там же: 511].

Думается, что в этом манифесте герой отказывается от сакрализации магической функции языка, которая реализуется, по Р. Якобсону, в обращении к «отсутствующему 3-му лицу»: Симон обрывает разговор с трансцендентной сущностью, не рассчитывая на её помощь и делая ставку только на свои силы.

В результате Симону удаётся овладеть реальностью вопреки воле автора и заставить стрелка отвести оружие. Он сам конструирует финал своей истории. Владение языком позволяет ему стать субъектом собственного (а не чужого) нарратива, переделать реальность и обратить её сюжет в свою пользу. «Видишь, надо было оторвать мне язык», – саркастически прощается он со своим противником.

Итак, по Л. Бине, магическая функция языка существует, но техника её воплощения вовсе не нужна тому, кто владеет риторическим мастерством, знанием о законах наррации, интуицией, интеллектом. У Д. Быкова, наоборот, герой становится заложником своей фантазии о магии языка. Ему кажется, что «в воздухе что-то – непонятно что, но несомненное что-то – словно сказало ему: да, да, да» [Быков 2019: 503]. Но реальность этому трансцендентному обещанию не подчиняется. В романе Л. Бине реальность идёт навстречу усилиям героя, не вооружённого никакими заклинаниями и, более того, бросившего вызов высшей сущности в лице собственного творца, Бога.

Сложно судить о степени опоры Д. Быкова на роман

Л. Бине. Впрочем, о своём замысле написать о герое, похожем на Кржижановского, который выдумывает метод воздействия на людей с помощью текстов, слов и букв, Д. Быков говорит с 2015 года. Скорее всего, сущностное совпадение самостоятельного замысла у двух писателей объясняется совокупностью вне-текстовых факторов, среди которых в первую очередь отметим сосредоточенность современной культуры на рефлексии о власти слова, текста, книги¹. В этом плане оба романа вписываются в одну литературную парадигму, тематически исследующую положение человека в семиотическом мире. Ближайший контекст для романа Д. Быкова составляют романы М. Елизарова «Библиотекарь» и Вс. Бенигсена «ГенАцид», для романа Л. Бине, возможно, – роман Ж.-Ф. Арру-Виньо «Урок непослушания». Другой контекст, очевидно, составляют произведения, в которых литературная теория становится предметом иронической рефлексии и пародирования (об этом: [Жиличева 2020]).

ЛИТЕРАТУРА

Бавильский Д. «Седьмая функция языка», или Апология флюса // Литература : Электронный литературный журнал. 2019. 30 ноября (№ 148).

Балла О. И не прося пощады // Новый мир. 2018. № 11. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_11/Content/Publication6_7_057/Default.aspx (дата обращения: 11.10.2021).

Бине Л. Седьмая функция языка. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 536 с.

Бояркина П. Дмитрий Быков «Июнь» // Звезда. 2018. № 1. С. 266-267.

Быков Д. Июнь. М. : Издательство АСТ, 2019. 510 с.

Дмитрий Быков в программе «Один» от 21 августа 2015 г. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/1606488-echo/> (дата обращения: 09.09.2021).

Жиличева Г. А. Язык теории как объект метапародии в прозе русского постмодернизма // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 40-51.

Сиротин С. Постструктурализм в действии: Лоран Бине «Седьмая функция языка» // Урал. 2020. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2020/5/poststrukturalizm-v->

¹ Критики чаще вписывают в парадигму детективных произведений, в которых нарратив выстраивается вокруг макгаффина, что представляется неоправданным сужением актуального контекста.

[dejstvii.html](#) (дата обращения: 11.10.2021).

Сушек И. Элементарно, Байяр! // Иностранная литература : журнал. 2018. Июль (№ 7). С. 265-272.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М. : Прогресс, 1975. С. 193-230.

REFERENCES

Bavil'skiy D. «Sed'maya funktsiya yazyka», ili Apologiya flyusa // Literatura : Elektronnyy literaturnyy zhurnal. 2019. 30 noyabrya (№ 148).

Balla O. I ne prosya poshchady // Novyy mir. 2018. № 11. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_11/Content/Publication_6_7057/Default.aspx (data obrashcheniya: 11.10.2021).

Bine L. Sed'maya funktsiya yazyka. SPb. : Izdatel'stvo Ivana Lim-bakha, 2019. 536 s.

Boyarkina P. Dmitriy Bykov «Iyun'» // Zvezda. 2018. № 1. S. 266-267.

Bykov D. Iyun'. M. : Izdatel'stvo AST, 2019. 510 s.

Dmitriy Bykov v programme «Odin» ot 21 avgusta 2015 g. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/1606488-echo/> (data obrashcheniya: 09.09 2021).

Zhilicheva G. A. Yazyk teorii kak ob"ekt metaparodii v proze ruskogo postmodernizma // Kritika i semiotika. 2020. № 1. S. 40-51.

Sirotin S. Poststrukturalizm v deystvii: Loran Bine «Sed'maya funktsiya yazyka» // Ural. 2020. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2020/5/poststrukturalizm-v-dejstvii.html> (data obrashcheniya: 11.10.2021).

Sushek I. Elementarno, Bayyar! // Inostrannaya literatura : zhurnal. 2018. Iyul' (№ 7). S. 265-272.

Yakobson R. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: za i protiv. M. : Progress, 1975. S. 193-230.